

СОСЕДКА ДОРОТИ

В конце 1920-х — начале 1930-х, когда вдоль проселочных дорог к разбросанным по пустыне фермерским хозяйствам побежали провода, жизнь фермерских жен изменилась и долгие дни, протекавшие прежде в одиночестве, вдали от соседей, внезапно наполнились теплыми, дружелюбными голосами. Это были голоса других женщин, и доносились они из радиоприемников. Программа называлась «Домашнее радио». В 1924 году в разных уголках Среднего Запада женщины начали выходить в эфир, снабжая друг друга новыми рецептами, советами по воспитанию детей, ведению хозяйства и садоводству, обменивались местными новостями, давали небольшие домашние концерты, но главное — эти передачи были для многих сродни встрече с подругами. Каждый день жители Айовы слушали «Кухонные истории» с Лианной Дрифтмиллер или «На проселочной дороге» с Эвелин Беркби. Те, кто мог поймать сигнал из Южной Дакоты, познакомились с Уинн Списи — «Дамой по соседству». В эфир еженедельно выходили Аделла Шумейкер, Ида Бейли Аллен, Бернис Курьер, Альма Китчелл, Эдит Хансен и другие.

Одной из таких радиовещательниц была и мать Бобби, миссис Дороти Смит. Она вела передачу из собственного дома в Элмвуд-Спрингсе, штат Миссури, с 9.30 до 10.00 утра, через местную радиостанцию УДОТ на частоте 66. Дороти как нельзя лучше подходила для такой работы, и не только потому, что любила поговорить. После учебы в Бостоне она вернулась домой с дипломом по домоводству и уходу за детьми и с намерением не упустить Роберта (Дока) Смита, недавнего выпускника Школы фармацевтики, на которого положила глаз. Через шесть месяцев они прошептались по

проходу между рядами Первой методистской церкви прямо в семейную жизнь. В эфир Дороти начала выходить в 1936-м, и к концу войны ее уже многие знали как «Соседку Дороти». Каждый день Налон Клегг, диктор радиостанции в Поплар-Спрингсе, представлял ее одной и той же фразой:

— А теперь — моя и ваша соседка из белого домика прямо за углом, где бы вы ни находились, леди с улыбкой в голосе, Соседка Дороти... Аккомпанирует на фисгармонии Мама Смит!

Далее раздавались вдохновенные аккорды песни «На солнечной стороне улицы» в исполнении свекрови Дороти.

Песня была выбрана не случайно. Покупая в 1934 году дом, Док и в самом деле искал дом на солнечной стороне улицы: его жена обожала фиалки-синеглазки и любила, чтобы на каждом окне стояли цветы. Соседка Дороти была полноватой женщиной, но полнота ее радовала глаз, как и радушная улыбка. Эта улыбка украсила обложку ее поваренных книг и рекламных щитов по всему Среднему Западу. Тем, кто видел ее фотографию или слышал спокойный, дружелюбный и всегда веселый радиоголос, могло показаться, что эта женщина в жизни не ведала ни бед, ни тревог. Но была у нее тайна, о которой почти никто не знал, — их первенец, четырехлетний белокурый малыш по имени Майкл. Дороти думала, это обычный детский вирус или простуда, наверняка ничего серьезного. Но вдруг он забился в конвульсиях. Умер внезапно и без всякого предупреждения. Вот он смеется, живой и жизнерадостный, а назавтра его уже нет.

Врачи сказали, это была крайне агрессивная бактериальная инфекция. Что за инфекция, в больнице так и не выяснили. Невозможно примириться со смертью любимого человека, но нет ничего страшнее, чем потеть ребенка.

Мать Дока, вдова, переехала к ним, чтобы как-то помочь. Спустя некоторое время Док вернулся к работе, но Дороти ничего не могла делать — сидела в комнате сына и смотрела на его кровать.

Она не ела, несмотря на кулинарные ухищрения Мамы Смит, и не могла спать без таблеток. Хотя доктора повторяли, что ничего нельзя было сделать, она не верила. Снова и снова задавала себе одни и те же вопросы. Сотня «почему» и «что если» — и ни одного вразумительного ответа. И Док ничем не мог помочь. Даже наоборот. Ее возмущало, как быстро он оклемался, будто ничего не случилось. Даже не желал об этом разговаривать. Стоило заикнуться — просто выходил из комнаты. Она была молода и не знала, что люди по-разному справляются с горем. Док — тоже еще молодой — был не прав, стараясь взять себя в руки и быть сильным ради жены. Она не знала, что он часто уезжал подальше за пределы города и просто сидел в машине и плакал.

Рана от потери ребенка не заживала и до конца не заживет. Но через год с небольшим они оба смогли вернуться к повседневной жизни.

Тогда-то Дороти и взялась печь, чтобы отвлечься. По пять, а то и десять тортов в день. И скоро горожане стали носить с собой вилки в карманах или сумочках: всякого, кто шел мимо, зазывали отведать кусочек. Все знали, что приглашение искреннее, ибо с тортами перебор, — и заходили, и отведывали. Герта Нордстром, подруга Дороти, хозяйка бакалеи, сказала, что у нее вполовину упали продажи, оттого что Дороти всех угощает. Тогда Дороти стала печь для бакалеи Нордстромов и прослыла чудо-кондитером. Однажды рецепт ее шестислойного ананасового торта-перевертыша занял второе место в конкурсе на лучшую выпечку в Пиллсбури, и ее пригласили выступить на радио в Поплар-Блаф. Посреди интервью она упомянула, что всегда

использует муку «Голден флейк — легче перышка», продажи «Голден флейк» за один вечер удвоились, а ей предложили вести собственную передачу. Вскоре на заднем дворе их дома красовалась огромная радиоантенна с красным огоньком на верхушке. Позже, когда родилась Анна Ли, Дороти с Доком снова стали прежними, хотя и не забыли светловолосого малыша. Жизнь шла своим чередом, пока вдруг не изменилась в один прекрасный день — Дороти тогда было сорок три, и они давно перестали об этом мечтать. Врач сообщил Дороти, что с ней происходят вовсе не те изменения, на которые она грешила, — это не климакс, а беременность. И как гром среди ясного неба явился Бобби — человек, изменивший их жизнь во всех смыслах слова.